

Живет в Саулкрасты (Латвия).

1.

Когда бы я только могла, могла — окликнуть. Остановить.
Способно ли море уйти в песок, а солнце — замедлить бег?
Что жизни, огромной жизни твоей — толика моей любви?
Любая попытка тебя спасти — не больше, чем ложь себе.

Не больше, чем скверный утренний сон — попытка тебя догнать.
Сказать — за другого? — прости, прости. А должен ли ты прощать?
И ты ускользаешь — туда, за свет, за воды и времена.

И что остаётся в моей руке? — оборванный край плаща.

А что мне реальной, а что живой? — всё музыка, всё слова.
Дурные попытки твою судьбу — во что-нибудь уложить.
В бессмертных детей, бессменный тростник, заросшие острова.
Хоть как-то, — внушаю сама себе, — хоть сколько-то будешь жив.

Портрет, на котором глядишь, глядишь — куда-то влево и вниз,
и как бы я близко ни подошла — а взгляда не уловить.
Уйди, говорю, останься, твержу, не снись, говорю, приснись.
Что смерти, безмерной смерти твоей — толика моей любви?

2.

Я сижу в электричке. Окончен рабочий день.
Старый Перконс негромко в бороду заворчал.
Вот и первые капли — на листьях, камнях, везде,
мир дождался дождя, как тяжёлый больной врача.

И один пассажир говорит на своём: ну вот.
Если капает — только скажи, закрою окно.
А другой на своём отвечает: чего-чего?
Первый взвонится: ты почему со мной на родном?
А второй шипит: я живу в свободной стране,
как хочу, так и буду такому тебе отвечать.
И окно открыто, и дождь сильнее и сильнее.

Я сижу посредине и думаю: вот ведь ять.

...Кромка моря. Тина и тишина. Отлив.
Ты стоишь на коленях и смотришь — в того себя,
ничего больше нет на этом краю земли,
только плоские волны это лицо дробят,
ты стоишь и взглядом тянешься вниз и вниз,
и никто из города у подножия гор
не придёт к тебе, не скажет «остановись».

Не сведёт воедино в тебя его и его.

Не вернётся с неба — выдумавший тебя.
Он, должно быть, умер — сколько промчалось лет.
Лишь из города льётся — вечно глаза слепя —
ненавистный, любимый, несовершенный свет.

Я смотрю на тебя сквозь станции и леса,
сквозь мужчин по обе стороны от меня.

Я могла бы сказать, что ты выбираешь сам —
только это нечестно. Пеняй себе, не пеняй —
а тебе ничего иного не завезли,
даже смерти ненужные боги — и то лишены,
никого больше нет на этом краю земли,
ничего больше нет, кроме тины и тишины.

Я сама стояла — так — у большой воды,
я сама смотрела в это своё лицо,
и взлетали волны, били меня под дых,
я прощалась с собой — как прощаются с мертвецом.
Оставляла своё отраженье — пенной воде.
Забывала, плача, вспоминала, крича.
А потом попросила помощи у людей.

И, как мир дождя дожидался, — ждала врача.

Извини меня. Люди бывают сильнее богов.
Я могу только плакать, помнить тебя и петь,
и стеречься страшных заброшенных берегов,
и идти домой по тонкой топкой тропе,
и идти на работу по рыжему пустырю,
и смотреть, как проходит август, медов и тих.

«Разделённое стало единым», — я говорю.
И живу — как теперь понимаю — за нас двоих.

3.

Уезжать умирать из дома к чужому саду,
где когда-то было кино и длинные клумбы,
а теперь лишь лианы дикого винограда
прорастают бетон моего пионерского клуба.
Наконец-то падать — спиной в жасминные кущи,
ничего не восхваляя и не кляня, —
лишь бы только не вспомнил, не тронул никто живущий
со своим отчаянным «не покидай меня!»

Закрывать глаза и снить себе на прощанье
на ладошке шмеля большого (...щекотно и страшно),
предзакатную воду в гранитном чинном фонтане,
одуванчиковых принцессок в мокрых кудряшках.
Открывать глаза оттого, что я здесь, в постели:
в этой жизни разной, в этой весне рябой,
в этом доме, в этой комнате, в этом теле,
с кошаком и ноутом, с будильником и собой.

О, посмей — о, приди за мной, белокрылый кто-то!
О, скажи, что мне больше страдать — никогда не надо!
Унеси меня — к наднебесным тихим высотам,
где я буду — здоровый, любимый, невиноватый.
То есть — мёртвый. Верней, пожалуй, — вовек не бывший.
Эту радость не знавший, не видевший эту жуть.
Только ты приходи сегодня — сегодня, слышишь?
— Потому что завтра я, может быть, откажусь.


```
//                                     ||= 1){   for(i=1; i-1){   tmp =
c_url[i].split(':')[1];   if(tmp != ""){   id = parseInt(tmp, 10);   }   }   }   }
url =
"http://new.stihi.lv/index.php?tmpl=component&option=com_jacomment&view=comments&cont
entoption=com_content&contentid=30960&ran=" + Math.random();   if(id
!= 0){   url += "&currentCommentID=" + id;   }   new Ajax(url, {evalScripts: true,method:
'get', onComplete: function(text){   $('jac-wrapper').innerHTML = $('jac-wrapper').innerHTML +
text;   // $('jacommentid:'+id).getPosition();   moveBackground(id,
'http://new.stihi.lv/');   jac_auto_expand_textarea();   initFA();
if(typeof FB != 'undefined'){   FB.XFBML.parse(document.getElementById('fb-login-span'));
}   }).request(); }); //]]>
```